

Елена Кардаш

«...Отдаются напрокат и починяются старые»:

ТАЙНА ВЫВЕСКИ АДРИАНА ПРОХОРОВА

Elena Kardash

"...Given Out for Rent and Old Ones Repaired": The Secret of Adrian Prokhorov's Sign

Елена Кардаш (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения; кандидат филологических наук) ekar4@yandex.ru.

Elena Kardash (Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences; Department of Pushkin Studies, senior researcher; PhD) ekar4@yandex.ru.

Ключевые слова: топос, интертекст, нарративная деталь, подержанный гроб

Key words: topos, intertext, narrative detail, second-hand coffin

УДК: 801.73+821.161.1+82-7

UDC: 801.73+821.161.1+82-7

Статья посвящена парадоксальной сюжетной детали пушкинской повести «Гробовщик» — надписи на вывеске заведения главного героя: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починяются старые». Хотя на данный момент существует уже довольно много интерпретаций этой надписи, однако в них не учитываются ее происхождение, связь с литературной традицией, культурная семантика. Автор показывает, как мотив сданного напрокат гроба приходит в текст Пушкина из западноевропейской практики погребальных услуг, точнее, из ее описаний в нравоописательной и анекдотической литературе. Короткое упоминание этого топоса в тексте «Гробовщика» включает повесть в большую интернациональную литературную традицию.

This article is devoted to a paradoxical plot detail in Pushkin's short story *The Undertaker*: the writing on the sign outside the protagonist's place of business: "Plain and painted coffins sold and upholstered here, also given out for rent and old ones repaired." Although there already exist quite a number of interpretations of this sign, these studies do not take into account its provenance, its association with literary tradition, or its cultural semantics. The author demonstrates how the motif of the coffin given out on rent enters Pushkin's text from the Western European practice of burial services, more precisely, from the description of this practice in anecdotal and customs-describing literature. The brief reference to this topos in the text of *The Undertaker* inducts this story into a major international literary tradition.

«Повести Белкина» создавались как своеобразный нарративный эксперимент, выявляющий возможности взаимодействия между разными видами литературного высказывания. Новелла «Гробовщик» представляет собой в этом отношении сложный случай. Ее литературные истоки и контекстуальные связи остаются в значительной степени непроясненными, а нарративные решения зачастую провоцируют излишне вольные исследовательские интерпретации. Последнее касается и сюжетной детали, о которой пойдет речь в статье, — надписи на вывеске Адриана Прохорова, главного героя повести: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починяются старые» [Пушкин 1948: 57].

На поверхностном уровне эта деталь — образец намеренно нарушенной коммуникации: надпись одновременно и буднична, и подчеркнута парадоксальна. Недаром позднейший приблизительный аналог объявления Прохо-

рова, вывеска из очерка Н.А. Некрасова «Петербургские углы: (Из записок одного молодого человека)» (1845), открыто строится как словесная игра — объявление «делают троур и гробы и на прокат отпускают» [Некрасов 1983: 333] не означает, что гробы отдаются внаем буквально, это впечатление создает не ловкая синтаксическая конструкция¹. Надпись над воротами пушкинского гробовщика, однако, устроена сложнее. Коммуникативное напряжение создается здесь взаимодействием ключевых нарративных аспектов, связанных как с природой самого текста, так и с его рецептивным потенциалом. На первый взгляд, вывеска читается как обычная бытовая деталь. Эта трактовка имеет основание: у пушкинского героя, вероятно, был реальный прототип [Мартынов 1878: 172; Модзалевский 1928: 443, 475—476], а сама новелла ретроспективно вписана в традицию русского физиологического очерка². Современные историки и антропологи временами ссылаются на вывеску Прохорова как на документальное свидетельство — вынужденно ценное, учитывая неизученность истории похоронного дела в России пушкинского времени [Павлова 2004: 174; Мохов 2018: 227]. Последний факт, однако, доводя фактографическую трактовку до логического завершения, демонстрирует и ее парадоксальность: с точки зрения современного читателя, объявление абсурдно, а потому открыто для широких семантических и прагматических интерпретаций. Так, литературоведы зачастую трактуют его как осознанно сконструированный автором образ — маркер «пограничного» статуса героя, привычно обитающего между пространствами жизни и смерти, а потому относящегося к своему жутковатому товару как к предметам обихода, которые можно использовать неоднократно или отдавать внаем [Петрунина 1987: 87—88; Есипов 1998: 112; Шмид 2013: 252—253].

Разумеется, любая текстовая составляющая может сопрягать в себе и фабульный, и символический аспекты нарратива. В случае с занимающей нас деталью, однако, эти два плана — в их сегодняшней интерпретации — не взаимодействуют, а, напротив, принципиально исключают друг друга. Существенно, что каждый из них сам по себе также проблематичен. Исследователи, настаивающие на реалистичности объявления, в подтверждение своих слов, как правило, ссылаются на узкоспециальные или экзотические практики, само существование которых иногда вызывает сомнение. Так, С.А. Давыдов указывает, что «во время отпевания в церквах <...> простой гроб или ящик с покойным для торжественности помещали в другой, богато украшенный гроб, который не опускался в могилу. Эти внешние, парадные гробы отдавались напрокат приходами или гробовщиками и, поскольку многократно использовались, нуждались в починке» [Давыдов 1997: 44]; к сожалению, замечание не сопро-

-
- 1 К сожалению, неясно, явилась ли подобного же рода игра источником созданного Пушкиным парадокса; характер правки в автографе позволяет говорить лишь о более или менее пристальной авторской рефлексии по поводу занимающей нас детали. Пушкин начинает фразу: «Здесь продают гробы, отдаются», зачеркивает слово «отдаются», но, по-видимому, тут же его восстанавливает, корректируя часть предложения до запятой и дописывая предложение после нее без правки: «здесь продаются <я> гроба, отдаются напрокат и починаются старые»; вставка «[кр<ашенные>] простые и крашенные, также» вписывается сразу же или позднее в соответствующем месте предложения над строкой (ПД. № 997. Л. 1 об.; воспроизведено в: [Пушкин 2009: 22]).
  - 2 Так, определенная социальная и профессиональная конкретизация образа Адриана Прохорова позволяет соотносить пушкинскую новеллу с очерком А. Башуцкого «Гробовой мастер» (1840) [Якубович 1928: 115; Охотин 1986: 86].

вождается ссылкой на источник сведений. Обоснования не находит и остроумная версия В. Шмида, согласно которой надпись на вывеске Прохорова адресована масонам, использующим гробы в ритуальной практике и испытывающим потребность в их прокате и починке [Шмид 2013: 250—251]. Указанное А.Б. Пеньковским [Пеньковский 2005: 235] ценное свидетельство о процедуре солдатских захоронений («К чему гробы и рубашки, когда умирающие ложатся в общую могилу и притом ночью? Довольно и того, что некоторым мертвецам отпускают гробы на прокат до могилы...» [Заметки артиллериста 1875: 543]) относится к середине 1850-х годов и — что важнее — описывает специфические реалии военных госпиталей, явно не воспринимавшиеся как норма мемуаристом, мрачно иронизирующим по поводу больничных нравов³. В свою очередь, описанная выше символическая трактовка надписи вписывает конкретную сюжетную деталь в ряд характерных для повести оксюморонных речевых образов, демонстрирующих зыбкость границ между жизнью и смертью («мертвый без гроба не живет», «нищий мертвец и даром берет себе гроб», «пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов») [Пушкин 1948: 90, 92]. Контекст надписи тем самым ограничивается художественным пространством «Гробовщика», а ее происхождение, связь с литературной традицией, культурная или антропологическая семантика, даже сюжетные функции остаются невнятные.

Итак, перед нами загадка: яркая, парадоксальная, притягивающая внимание сюжетная деталь, природа, смысл и прагматика которой внутренне противоречивы или затемнены для взгляда современного читателя, в том числе профессионального⁴. Прояснение их между тем — отнюдь не умозрительная или узкоспециальная задача. Нарративная конструкция «Гробовщика», первого завершеного прозаического произведения Пушкина, во многом ориентирована на принципы поэтической организации. Это очень плотное смысловое пространство, в рамках которого маркированная текстовая составляющая, как правило, являет собой «свернутую» концентрированную репрезентацию ключевых для понимания повести внутри- и внетекстовых связей, наделенных сюжетообразующими функциями⁵. Попытку их осмысления и предлагает настоящая статья.

Итак, можно ли полагать, что перед нами обычная вывеска и в пушкинское время гробовщики действительно отдавали напрокат и чинили старые гробы, извещая об этом соответствующим объявлением? В русской погребальной

-
- 3 Найти альтернативные свидетельства (особенно хронологически удаленные от пушкинской эпохи) не составляет труда. Например, в начале XVII века польский ротмистр Николай Мархоцкий, описывая исход сражения войск Лжедмитрия II с армией Василия Шуйского на подступах к Москве 25 июня (5 июля) 1608 года, сообщал: «Москвитяне в течение двух недель с плачем хоронили своих убитых, для которых даже гробы не сумели сразу приготовить, а у них и самого убогого не принято хоронить без гроба» [Мархоцкий 2000: 44].
  - 4 Краткий обзор в разной степени произвольных метапоэтических толкований рассматриваемой детали см. в: [Пеньковский 2005: 235—236].
  - 5 Хорошо известным примером служит устойчивая для пушкинской поэзии метафора «смерть — новоселье», просматривающаяся в ключевом для повести сюжетном элементе — переселении героя в новый дом, — не утрачивающем, впрочем, непосредственного фабульного смысла; см.: [Петрунина 1987: 91—92; Шмид 2013: 264—266]. О поэтических основаниях пушкинского прозаического нарратива см., например: [Шмид 2013: 69—89].

практике XVIII — первой трети XIX века многообразные гробы не использовались; прежде всего, для этого не было экономических оснований: невзирая на интенсивную эксплуатацию лесных ресурсов, Россия не испытывала серьезного недостатка в древесине [Бродель 1986: 389—392; Шегельман 2008: 12—18, 23—26; Лупанова 2017: 70—72, 142—144, 251—257, 272—276, 280—281]. Устав о карантинах предписывал хоронить без гробов только погибших от холеры; тела в этом случае пересыпались известью; на умерших от других болезней, даже во время эпидемии, это правило не распространялось [ПСЗРИ 1833: 753—754, № 5690, ст. 3, § 221, 223]. Впрочем, и жесткие требования санитарии, продиктованные экстремальными обстоятельствами, не предполагали обязательного отказа от использования индивидуальных гробов — пусть и сомнительного качества. Современник, наблюдавший погребение на петербургском карантинном кладбище на Выборгской стороне, вспоминал:

Тут общие, больничные могилы, <...> под каждым холмом зарыто человек по пятидесяти. Это я как теперь помню. Под большим крестом была раскинута парусинная палатка: в ней помещался «батюшка» с дьячком... оба выпивши <...>, и тут же полицейские. Ямы вырыты глубокие; на дно известь всыпана и тут же целыми бочками заготовлена... Ну, видим, едут из города возы: гробы наставлены, как в старину дрова складывали, друг на дружку нагромождены <...>. Подъедут возы к ямам: выйдет «батюшка» из палатки; горсть песка на все гробы кинет, скажет: «их же имена Ты, Господи, веши» — и все отпеванье тут... Гробы сразу сваливают в яму, известью пересыпят, заруют — и дело с концом! Бывало иной гроб тут же и развалится; да не сколачивать-стать! [Холерное кладбище 1878: 486].

О гробах, в которые помещали в больницы умерших от холеры (а временами и еще живых больных), сразу же засыпая тела известью, упоминается и в страшном свидетельстве бывшего жандарма, служившего в 1830 году в Саратове [Шомпулев 1897: 266].

За пределами России дела обстояли иначе. В европейских беллетристических или этнографических повествованиях XVIII — первой трети XIX века, посвященных экзотическим традициям Востока, неоднократно упоминается о старых гробах как атрибуте погребальной церемонии; некоторые из этих текстов переводились на русский язык: «...знатнейшие из китайцев заблаговременно готовят себе гроб и поставляют оный в своих покоях, яко бы они всякий час видели смерть» [Дреленкур 1802: 98]; «On sait qu'à la Chine le luxe des cercueils est porté jusqu'à la recherche et qu'on s'occupe pendant la vie de se procurer ce dernier vêtement dans le goût le plus exquis»⁶ [Encyclopédie des gens du monde 1835: 261]. В одном из эпизодов книги О. Голдсмита «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» (1762) тело героя после смерти «сунули в старенький гроб, который поставили в убогой каморке и бросили без присмотра до того часа, когда закон разрешал погребение» [Голдсмит 1974: 47, письмо XVIII <«Повесть о китайской матроне»>]; в XVIII веке этот сюжет неоднократно публиковался на русском языке [Голдсмит 1763: 348—353⁷; Достоинно наказанное непостоянство 1793: 112].

6 «Говорят, что в Китае роскошь гробов доходит до изысканности и что еще при жизни люди ищут для себя последнюю одежду, отличающуюся самым утонченным вкусом» (франц.).

7 Воспроизведено в: [Топоров 1992: 100—102].

В самой Европе, как известно, многоцветные гробы широко использовались в похоронной практике. В Англии вплоть до конца XVII — начала XVIII века гроб был нужен, как правило, лишь для того, чтобы донести тело до могилы, — т.е. он, можно сказать, «отдавался напрокат» [Aubin 1949: 1012—1013; Арьес 1992: 168—169, 193—194, 453; Sappol 2002: 29; Сох 2008: 303]. Такие гробы, бывшие собственностью приходских церквей, действительно со временем изнашивались и подлежали ремонту: записи в расходных книгах лондонских церквей о починке приходских гробов, датируемые началом — серединой XVI века, цитируются, например, в книге Дж. Ч. Кокса [Сох 2008: 304]. С конца XVII — начала XVIII века упомянутая практика, однако, постепенно перестала восприниматься как норма даже низшими слоями населения. «Бедняцкие похороны» («*pauper funerals*») выглядели непритязательно: нескольких покойников погребали одновременно, в общей могиле, в сопровождении все сокращавшейся со временем церковной службы, без именных табличек. И все же гробы им полагались — пусть даже тонкостенные, дешевые, сколоченные наспех [Laqueur 1983: 116, 121—122]. Сходным образом обстояли дела и во Франции: распространенный в позднее Средневековье обычай хоронить покойников без гробов [Gaude-Ferragu 2005: 128—129] в XVIII—XIX веках начал отходить в прошлое — хотя и не исчез окончательно. Так, англичанин, наблюдавший похороны в Париже в 1802 году, свидетельствовал:

Тело лежало на дрогах, похожих на нашу погребальную колесницу, но так как черный бархатный балдахин поддерживался четырьмя тоненькими деревянными колонками, то тело было на виду. Оно было покрыто черным бархатным покровом, который облегал его так плотно, что можно было видеть все очертания тела. Ясно, что оно не лежало в гробу; я полагаю, что в Париже слишком мало дерева и оно слишком дорого, чтобы люди могли позволить себе подобную роскошь [Париж в отзывах иностранцев 1906: 196]⁸.

Вместе с тем во французском энциклопедическом издании 1835 года гроб описывается как предмет, в который именно «заключают» тело, помещаемое в склеп или могилу, — будь то «*une simple caisse en minces planches de sapin, à peine assemblées avec quelques chevilles <...> ou bien, au contraire, une boîte de plomb, soigneusement soudée, ou de bois de chêne, quelquefois même d'un bois plus précieux, bien joint, et quelquefois orné de plaques de métal précieux*»⁹ [Encyclopédie des gens du monde 1835: 261]. Автор упоминает об обязанности городских властей бесплатно предоставлять гробы для похорон бедняков и людей, о которых некому позаботиться; отмечается, впрочем, что умерших в больницах, приютах и тюрьмах хоронят без гробов, обернутыми в грубую холстину [Encyclopédie des gens du monde 1835: 261].

Высказывалось предположение, что Пушкин, заставивший своего героя отдавать напрокат и чинить старые гробы, ориентировался не на русскую, а

8 Как следует из пояснения к мемуару, речь идет о материале, первоначально опубликованном во французском издании «*La Revue*» (1-er octobre 1905) под заглавием «*Entre anglais et français: De Londres à Paris en 1802*».

9 «...простой ящик из тонких еловых досок, едва скрепленных несколькими гвоздями <...>, или, напротив, тщательно запаянный свинцовый контейнер либо ящик из дуба или даже из более ценной древесины, прекрасно сделанный и иногда украшенный пластинами из драгоценного металла» (*франц.*).

именно на европейскую погребальную традицию [Кончакова 2008: 275—279]. Вероятнее, однако, что у парадоксальной надписи имеется иное, более широкое и одновременно более сложно устроенное основание.

В конце XVII — начале XVIII века европейский рынок погребальных услуг менялся. Появились похоронные конторы, не только бравшие на себя организацию погребения, но и предоставлявшие клиентам во временное пользование разнообразную ритуальную атрибутику¹⁰. Ко времени создания пушкинской повести эта практика прочно устоялась и в России. Примером тому служит изложенная в статье С.И. Оpatовича история «траурного заведения», организованного в 1796 году Георгием Петровым, настоятелем церкви Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге. Заведение предлагало клиентам прокат разнообразных похоронных принадлежностей. Гробы в это число не входили: во всяком случае, об отдаче их внаем не упоминается ни в работе Оpatовича, ни в «Санкт-Петербургских ведомостях», где публиковались объявления об услугах предприятия:

При Смоленском кладбище имеются для парадных похорон все нужные приборы, как то: билеты, разные парчовые покровы, для орденов подушки, дроги с покрывалом, на лошадей попоны, плащи и шляпы с флером, факелы, катафалк и подсвечники, что самое можно получать по сходным ценам¹¹.

При Смоленском кладбище отпускаются благосклонно для траура парчовые и других материй покровы, дроги с лошадьми и попоны, плащи, шляпы, похоронные билеты и проч.¹²

Со временем предприятие разрослось и стало приносить доход, часть которого уходила на починку отдаваемых напрокат похоронных принадлежностей¹³. Правда, эти обязанности исполнялись весьма небрежно:

Казалось бы, что, получая огромные доходы за траур, причт должен был бы траурные вещи содержать в порядке и чистоте; однако на деле было не так. Они часто поражали нанимателей своим безобразием. Покрытые засохшею грязью, не чистенные, не мытые, дроги были отвратительны. Краски на колесах часто не оставалось и следов. Самые колеса редко смазывались, и потому погребальный поезд нередко сопровождался пронзительным скрипом. Вместо ремней на пополах часто мотались веревки и мочалки. На плащах можно было увидеть засохшую грязь;

-
- 10 См., например, приведенное в статье Пола Фритца коммерческое объявление, относящееся к первой трети XVIII века и принадлежащее некоему Томасу Солтеру, владельцу похоронной конторы «Четыре гроба» («Four Coffins»), который предоставлял для похорон множество разнообразных вещей. Гробов в этом длинном перечне нет: их, как гласит объявление, Солтер «изготавливал и продавал» [Fritz 1994/1995: 243, 248]. О прокате похоронных принадлежностей — от траурных плащей до экипажей — в Англии XVIII века см. также: [Laqueur 1983: 113].
- 11 Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 98. 8 декабря (вторник). С. 2257; № 99. 11 декабря (пятница). С. 2276; № 102. 22 декабря (вторник). С. 2348.
- 12 Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. II: Частные известия. 1805. № 9. 31 января (вторник). С. 80.
- 13 См. фразу из цитируемого Оpatовичем письма о. Георгия митрополиту по поводу «траурных принадлежностей» заведения: «Остающаяся же сумма по накоплении отдается для сбережения в ломбард <...>, и чтоб церковь впредь не отягощалась никакою починкою оных вещей ниже по обветшанию постройкою вновь, но все сие исправляется оною же суммою» [Оpatович 1873: 182].

пуговицы часто отваливались и заменялись веревочками и мочалками. Это возбуждало жалобы со стороны нанимателей [Опатович 1873: 183—184].

Все эти проблемы живо беспокоили и пушкинского гробовщика: в начале повести Адриан Прохоров переживает по поводу «жалкого состояния» его «давнего запаса гробовых нарядов» и «неминуемых расходов», связанных с необходимостью обновления погребальной атрибутики [Пушкин 1948: 90].

Интерес для нашего сюжета представляет, однако, не столько сама практика, сколько внимание, уделявшееся ей в европейской нравоописательной литературе. Изначально оно объяснялось не только «пограничными» коннотациями феномена, но и его социально-экономическим контекстом. Появление в Англии в конце XVII века погребальных контор, выдающих напрокат похоронные принадлежности, принципиально изменило функции и смысл погребальной церемонии. Возможность приобрести за небольшую цену символы, маркирующие высокий уровень социального благополучия, превратила похороны из способа подтверждения статуса покойного в инструмент его утверждения — причем статус этот зачастую мало соответствовал действительности. Это способствовало актуализации представления о погребальном ритуале как о торжестве фальши и лицемерия, обнаруживающем суетность человеческой природы, на которой, как утверждали литераторы и журналисты, и наживаются оборотливые коммерсанты [Aubin 1949: 1020; Laqueur 1983: 109—114]. Именно об этом позднее писал В.-Ж.Э. де Жуи (настоящая фамилия — В.-Ж. Этьен), утверждая, что «внутренность *Похоронной Конторы* может доставить содержание для превосходной комедии на нравы», поскольку являет собой яркий пример «забавной противоположности печали и тщеславия, боющихся с соблюдением выгод и со скупостью» [Жуи 1826: 204, 206].

Неудивительно, что в комической и нравоописательной традиции XVIII — первой половины XIX века повторная утилизация погребальной атрибутики служила источником парадоксов и поводом для иронии. В комедии Ричарда Стила «Похороны, или Модная печаль» (1702), во многом повлиявшей на формирование литературной погребальной топики, похоронный агент мистер Сейбл пользуется услугами гробокопателя, доставляющего ему из разоренной могилы побывавший в употреблении саван [Steele 1735: 17]. Еще один примечательный пример обнаруживается в цитированном выше очерке Жуи «Похоронная контора». Один из персонажей, похоронный агент, предлагает клиенту сэкономить на «старом воске» — т.е. на повторной утилизации свечей, уже однажды использовавшихся для проведения церемонии. Он объясняет это так: «Прежде всегда происходили споры между Конторою и слугами насчет свечей, употребляемых при погребении; дело нередко доходило до соблазна: для предупреждения этого установлено отдавать горевшие вокруг гроба свечи слугам; они перепродают их нам, а мы доставляем тем выгоду семействам покойников» [Жуи 1826: 210—211].

Несмотря на реалистичность ситуации, она вызывает удивление клиента: предложение торговца явно не очень хорошо вписывается в представления о норме. Ведь если можно продать новому клиенту старый воск — почему бы не снабдить нового покойника и старой могилой? Подобный случай описан в книге журналиста и нравоописателя Ч.-М. Уэстмакотта «Английский наблюдатель...». Один из ее персонажей, Джеймс Джеймс, приходской псаломщик, весельчак, развлекающий знакомых игрой на скрипке и комическими сти-

хами, прославился среди прочего остроумным решением проблемы с заказом на изготовление выложенной кирпичом гробницы. Начав копать, псаломщик наткнулся на хорошую старую могилу, владелец которой уже рассыпался в прах. Вычистив ее, Джеймс радостно объявил клиентке, что у него есть прекрасная подержанная гробница на продажу, не хуже новой, которую он готов уступить за полцены. К несчастью, оказалось, что новый владелец не помещается в чужую могилу, и оборотливому коммерсанту все же пришлось потрудиться над ней, прежде чем продать [Westmacott 1825: 231]¹⁴.

Это, разумеется, уже анекдот — впрочем, по-прежнему тесно связанный с реальностью. Подобного рода сюжет обнаруживается и в одном из куплетов музыканта, писателя и актера Чарльза Дибдина. Это сатира на торговцев патентованными товарами, один из персонажей которой собирается приобрести уже не подержанную могилу, а подержанный гроб:

Patent coffins they shut down so firm and so stout
When you're in that Old Nick himself can't get you out;
Says the miser, "a better thing never was plann'd,
And I vow when I die I'll buy one secondhand"¹⁵.

[Dibdin 1807: 67]¹⁶

Сюжет куплета подчеркнута абсурден. «Патентованные» гробы претендовали на особую прочность: утверждалось, что их невозможно открыть, чтобы похитить тело из могилы¹⁷. Факт покупки подержанного гроба демонстрировал одновременно и сомнительное качество продукции гробовщика, и абсурдность поведения скупого клиента. Повторно продать и приобрести патентованный гроб можно было, лишь забрав его у предыдущего «владельца» — и доказав тем самым бесполезность разрекламированного товара.

14 Похожий мотив в сочетании с иронической трактовкой кладбищенской темы обнаруживается в одной из редакций стихотворения М.Ю. Лермонтова «Что толку жить!.. Без приключений...» (1832). Вторичной утилизации здесь подлежат не только принадлежащие покойникам могилы, но и они сами: «Когда ж чиновный человек / Захочет место на кладбище, / То ваше тесное жилище / Разроет заступ похорон / И грубо выкинет вас вон; / И, может быть, из вашей кости, / Подлив воды, подсыпав круп, / Кухмейстер приготовит суп — / (Все это дружески, без злости). / А там голодный аппетит / Хвалить вас будет с восхищеньем, / А там желудок вас сварит...» [Лермонтов 1954: 268].

15 Патентованные гробы закрываются так прочно и плотно, что, окажись вы внутри, даже сам Старый Ник не сможет вас вытащить; Скупец говорит: «Лучшего и придумать нельзя было, Клянусь, когда я умру, куплю себе такой подержанный» (англ.). Старый Ник (Old Nick) — эвфемистическое наименование дьявола.

16 Сходный мотив см. в стихотворной эпитафии, опубликованной в сборнике Фрэнсиса Гроуза: «He was so stingy, I have heard him say often, / He would be bury'd in a second-hand coffin; / So I bought him one, as you know I must, / For I was appointed his executor in trust» («Он был так скуп, что я слышал, как он часто говорит, / Что его похоронят в подержанном гробу; / Так что я купил ему такой, что, как вы знаете, мне следовало сделать, / Поскольку я был назначен его душеприказчиком» (англ.)) [Grose 1796: 304].

17 О патентованных гробах см., например: [Fleetwood 1989: 48]; о похищении тел из могил для анатомических театров в Англии первой трети XIX века подробнее см. в: [Diary of a Resurrectionist 1896; Арьес 1992: 313—314].

Подержанный гроб упоминается также в тексте курьезного объявления, которое приводится в составленной Джорджем Рэмси «Энциклопедии анекдотов», в словарной статье «Advertisements»:

Peter Puff, auctioneer, dyer and man-milliner — mends clocks, and makes wigs; tunes piano-fortes, and cuts corns; man-midwife and horse-shoer; bellows-maker, and teacher of psalmody; has a diploma from Greta-Green, and another from the University of Aberdeen; attends at all times, to unite the votaries of Hymen, and inoculate children, or bleeds horses; rings pigs noses and the parish bells. — N.B. Second-hand coffins made and repaired.

Peter Puff has for sale, as follow: — For some Popular Orators, Halters — Hen-peck'd Husbands, Patience — Old Maids, Husbands of all sorts — Dandies, wives, old and ugly, with Money — Married Persons, Divorces — A Good Wife with a Halter — warranted in every respect. — A seat in St. George's Church, cheap — a long time on hands¹⁸ [Ramsay 1828: 21—22]¹⁹.

Существенно, что анекдот концентрирует в себе целый ряд мотивов, значимых и для интересующей нас сюжетной детали «Гробовщика». Это классическое абсурдное коммерческое объявление; его герой, подобно похоронных дел мастеру, торгует и реальными предметами, и символическими ценностями²⁰, а в числе товаров обнаруживаются подержанные гробы, подлежащие починке. Кроме того, как и в случае с Адрианом Прохоровым, на вывеске которого наряду с мрачноватой надписью красуется «дородный Амур» [Пушкин 1940: 89], цитированная комическая реклама соединяет в себе похоронную и эротическую топику; за последнюю представляет не только готовность Питера Паффа «соединять поклонников Гименея», но и упоминание пограничной шотландской деревни Гретна-Грин, которая после ужесточения в Англии и

---

18 «Питер Пафф, аукционист, красильщик и шляпник — чинит часы и делает парики, настраивает фортепиано и обрезает мозоли; акушер и кузнец; изготовитель кузнечных мехов и преподаватель псалмопения; имеет диплом Гретна-Грин и еще один — университета Абердин; в любое время соединяет поклонников Гименея и делает прививки детям или пускает кровь лошадям; вдевает кольца в свиные рыла и звонит в колокола в церкви. — N.B. Изготавливаются и починяются подержанные гробы.

У Питера Паффа имеются для продажи следующие товары: недоуздки для некоторых известных ораторов — терпение для мужей-подкаблучников — мужья всех мастей для старых дев — старые уродливые жены при деньгах для фатов — разводы для женатых — хорошая жена с недоуздкой и всеми гарантиями. — Место в церкви Святого Георгия, дешево — давно в наличии» (англ.).

19 Цитируемая книга представляет собой второе, дополненное издание сборника [Ramsay 1822]. Позднее появилось еще одно издание: [Ramsay 1830]. По словам составителя, он извлекал материал для своего издания из разнообразных французских и английских сборников анекдотов, как популярных, так и редких. К сожалению, просмотреть издания 1822-го и 1830 годов и выяснить, имеется ли и там приведенный выше анекдот, не удалось.

20 Ср., например, в нравоописательном очерке М.-Н. Балиссона де Ружмона «Надгробные камни» рассказ торговца кладбищенскими памятниками с заранее нанесенными на них надписями, который отчасти переключается с курьезным объявлением: «...я решился вырезать надписи заблаговременно, означив на них всякие добродетели и взяв предосторожность, чтобы они могли служить для всех сословий общества. У меня есть *добрые мужья, превосходные отцы семейств* во всякую цену; *искренние друзья* разной величины; *почтительные сыновья*, черными и золотыми литерами, смотря по состоянию; *добродетельные матери* на камне и *верные супруги* на мраморе...» [Балиссон де Ружмон 1824: 234].

Уэльсе в середине XVIII века брачного законодательства надолго превратилась в место паломничества влюбленных, решивших заключить брачный союз без родительского благословения.

Нравоописательные и комические тексты, авторы которых так или иначе обыгрывают образ «подержанной» похоронной атрибутики, не обнаруживают конфликта литературной и эмпирической сюжетных составляющих. Эти реальности равноправны и пребывают в тесном взаимодействии. Британский материал хорошо это иллюстрирует. Дело в том, что в Англии вторичная переработка и перепродажа подержанной погребальной продукции в первой трети XIX века действительно представляли собой развитую коммерческую отрасль. В известной книге Дж.А. Уолкера, обратившего внимание властей на ужасающее состояние лондонских кладбищ, сообщалось, что гробокопатели, расчищающие места под новые могилы, продают подлежащие уничтожению фрагменты старых гробов на дрова для отопления жилищ. В массовом порядке перепродавалась уже побывавшая в употреблении металлическая фурнитура: гвозди, ручки от гробов, украшения, надгробные плиты [Walker 1839: 150—151, 200—202]. Имели место и случаи похищения из склепов и повторной утилизации металлических гробов. Один из выступавших в суде в связи с подобным делом (в книге Уолкера эпизод датирован 20 марта 1839 года) возмущенно замечал: «The sanctuary of the dead ought not to be invaded with impunity. The temptation to steal our bodies had been removed by the Legislature; but now the love of gain tempted persons to steal our coffins»²¹ [Walker 1839: 103]. В опубликованной позднее в лондонском периодическом издании «The Quarterly Review» обзорной статье о городских погребальных практиках упоминалось о несчастном, который «has gone mad on the subject of the desecration of graves; <...> he goes about addressing what audiences he can collect, mounted on a rostrum made of a secondhand coffin, which he snatched from a grave-digger who was about to apply it to use again»²² [Cemeteries and Churchyards 1844: 249].

Несмотря на все это, однако, в английской нравоописательной литературе подержанный гроб остается именно анекдотическим и курьезным феноменом, поводом для создания парадоксальных сюжетов и объектом иронии. Почти одновременно с работой Уолкера публикуется книга Пирса Игана «Паломники на Темзе...» (1838), где, в частности, описана феноменальная коллекция товаров, собранных в доме-музее знаменитого коммерсанта. Посетителям на пари предлагают назвать любую, самую неожиданную или редкую вещь, которую они хотели бы приобрести. Принявший вызов просит предъявить ему подержанный гроб, будучи абсолютно уверен в невыполнимости этого требования. Однако гроб обнаруживается в коллекции, а спорщику объясняют, что, пожалуй он умереть и избавить окружающих от лишних трат, он мог бы, не сходя с места, заключить выгодную сделку [Egan 1838: 336—337]. В книге шотландского миниатюриста Джона Кея «Серия оригинальных портретов и карикатурных офортов...» (впервые опублик. 1837—1838) говорится о скупости одного

21 «Священное убежище мертвых не должно подвергаться вторжениям безнаказанно. Соблазн похищать наши тела был искоренен законодательной властью, но теперь страсть к наживе пробуждает в людях соблазн похищать наши гробы» (англ.).

22 «...помешался на почве осквернения могил; <...> он рассказывает об этом, обращаясь к любой аудитории, которую может собрать, взгромоздившись на трибуну, изготовленную из подержанного гроба, который он украл у гробокопателя, намеревавшегося применить его по назначению еще раз» (англ.).

из персонажей — настолько абсурдной, что, как утверждает рассказчик, «assured as we are of its truth, we have some hesitation in mentioning it. It is said that, on the death of his wife <...> he adopted the ingenious expedient of attempting to procure a second-hand coffin to hold her remains, for lessing the funeral expenses on this melancholy occasion»²³ [Kay 1842: 26].

Завершающим штрихом к очерченной выше картине может служить опубликованная в 1863 году в сатирическом журнале «Punch» сентенция по поводу курьезного объявления: «Wanted, a Second-Hand Coffin» («Требуется подержанный гроб»):

The author of this notification must be, if not a maniac, a vampire. A second-hand coffin could not be inquired for by anybody but a body leading a sort of life in death. No regular ghost would ever ask for such a thing. It may be conceived that a vampire might; his old coffin having fallen to pieces, and he being unable to afford a brand-new one. More probably the advertiser is a fool; most likely a Scotchan gone mad on economy. As to the second-hand coffin which he wants, where is the undertaker who will undertake to furnish one?²⁴ [Punch 1863: 127].

Несмотря на позднюю дату публикации, анекдот в типологическом отношении весьма примечателен. Помимо уже упомянутых ранее мотивов, составляющих топику «подержанного гроба» (курьезное объявление, скупость клиента похоронной конторы как объект иронии, абсурдность повторного использования похоронных принадлежностей), здесь обнаруживается еще один примечательный мотив: подержанная погребальная атрибутика мыслится как товар, предназначенный для обитателей потустороннего мира, продолжающих существовать во плоти, — для бродячих «живых мертвецов». В пушкинское время сходная интерпретация находит воплощение, например, в предисловии к роману Вальтера Скотта «Пуритане» («Old Mortality», 1816; предисловие впервые появилось в издании 1830 года), где повествуется о «мрачной, словно похороны», шутке Кладбищенского Старика (кстати, подобно Адриану Прохорову, отличавшегося утрюмым нравом). Желая оградить приходского могильщика от приставаний мальчишек, требующих рассказать, куда тот «девает обломки старых гробов, которые выкидывает из земли», старик заявляет, что их покупает дед озорников, который превращает бывшие гробы «в ложки, доски для хлеба, кувшины, чашки, кубки и прочее». Шутка имеет печальные последствия: люди отказываются покупать посуду, пригодную «лишь для пиршества ведьм и вампиров», и несчастный мастер умирает в нищете [Скотт 1990: 15]. Наличие подобного контекста позволяет, пусть и с осторожностью, рассмат-

---

23 «...даже будучи уверены в истинности случившегося, мы с некоторым колебанием упоминаем об этом. Говорят, после смерти своей жены <...> он пустился на хитрые уловки, чтобы попытаться добыть для ее останков подержанный гроб и уменьшить похоронные расходы, связанные с этим печальным событием» (англ.).

24 «Автор объявления должен быть если не помешанным, то вампиром. Подержанный гроб может потребоваться лишь телу, влачащему своего рода жизнь в смерти. Ни одно нормальное привидение никогда не проявит интереса к подобной вещи. Можно вообразить, что это вампир, старый гроб которого развалился и который не может позволить себе приобрести новый. Более вероятно, что рекламодатель — дурак, а скорее всего — это шотландец, свихнувшийся на почве экономии. Что же касается искомого им подержанного гроба, то где же тот гробовщик, который возьмется его предоставить?» (англ.).

ривать надпись на вывеске пушкинского гробовщика не просто как забавный парадокс, но как конструктивный сюжетобразующий элемент повествования: если герой отдает внаем и чинит подержанные гробы, вполне закономерно, что его настоящие клиенты — в буквальном смысле выходцы с того света. Неудивительно, что они столь охотно откликаются на его приглашение.

Итак, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что курьезная надпись на вывеске Адриана Прохорова — не каприз автора и не уникальный прием. Перед нами устойчивая составляющая значимой для сюжета «Гробовщика» европейской литературной нравоописательной и анекдотической традиции. Тесно связанная с эмпирическими феноменами, она вовлекает их в сферу своего действия — и при этом не нуждается в них как в необходимом обосновании или опоре. Скорее напротив — реальные события, обнаруживающие сходство с анекдотическим сюжетом, способствуют его актуализации.

Примечательно, что последняя тенденция сохраняет актуальность и позднее, за пределами пушкинской эпохи. Так, В.А. Гиляровский, описывая Москву конца XIX — начала XX века, вспоминает, как шайка «червонных валетов» использовала гроб в качестве реквизита в шуточной похоронной процессии; затем гроб продали гробовщику, снова пустившему товар в дело:

...на другой день в этом гробу хоронили какого-то купца. <...> Обиженные в завещании родственники решили привлечь к суду главных наследников, которых в прошении просили привлечь за оскорбление памяти покойного, похоронив его в «подержанном» гробу. И долго дразнили гробовщика, забегая к нему в лавку и спрашивая: — Нет ли у вас подержанного гроба? Есть подержанный саван? [Гиляровский 1983: 322].

Другой случай описан в воспоминаниях инженера В.Е. Грум-Гржимайло (1864–1928), с середины 1880-х годов работавшего на демидовских уральских заводах. Материальная помощь, которую оказывали владельцы заводов служащим и рабочим, включала в себя и частичное возмещение похоронных расходов:

Была заведена книга пособий. <...> Гробов за счет Демидова делалось так много, что в книгах стояла постоянная графа: «дело гробов и починка оных». Я поинтересовался узнать, какие гробы чинит Нижнесалтинский завод? Оказалось, что статья переписывалась автоматически с холерного года, когда наготовили гробов такое количество, что они разошлись и их пришлось чинить [Грум-Гржимайло 1996: 87–88].

К той же категории отчасти относится и версия В. Шмида о починке старых гробов как бытовой масонской практике. Пожалуй, слишком экзотический и гипотетический для полноценного реального или историко-литературного комментария к пушкинскому тексту, подобный сюжет мог бы служить прекрасным поводом для актуализации устойчивого анекдотического топоса — и в этом отношении он, без сомнения, является полноправной составляющей описанной выше литературной традиции.

Библиография / References

- [Арьес 1992] — Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. с франц. В.К. Ронина. М.: Прогресс; Прогресс-академия, 1992.
- [Ariès Ph. L'Homme devant la mort. Moscow, 1992. — In Russ.]
- [Балиссон де Ружмон 1824] — <Балиссон де Ружмон М.-Н.> Добродушный, или Изображение парижских нравов и обычаев в начале XIX столетия / Пер. с франц. С. де Шаплета. СПб.: В Военной типографии Главного штаба его императорского величества, 1824.
- [Balisson de Rougemont M.-N. Le bonhomme, ou Nouvelles observations sur les mœurs parisiennes au commencement du dix-neuvième siècle. Saint Petersburg, 1824. — In Russ.]
- [Бродель 1986] — Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.: В 3 т. / Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. Т. 1: Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.
- [Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe—XVIIIe siècle: In 3 vols. Vol. 1: Les structures du quotidien. Moscow, 1986. — In Russ.]
- [Гиляровский 1983] — Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Московский рабочий, 1983.
- [Gilyarovskiy V.A. Moskva i moskvichi. Moscow, 1983.]
- [Голдсмит 1763] — <Голдсмит О.> Китайская повесть: Из Англинской книги // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763. Октябрь. С. 348—353.
- [<Goldsmith O.> <The Citizen of the World, Or Letters from a Chinese Philosopher> // Ezhe-mesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh. Saint Petersburg, 1763. October. P. 348—353. — In Russ.]
- [Голдсмит 1974] — Голдсмит О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / Пер. с англ.; изд. подгот. А.Г. Ингер. М.: Наука, 1974.
- [Goldsmith O. The Citizen of the World, Or Letters from a Chinese Philosopher / Ed. by A.G. Inger. Moscow, 1974. — In Russ.]
- [Грум-Гржимайло 1996] — Грум-Гржимайло В.Е. Хочу быть полезным Родине / Сост. В.П. Андреев и др.; под ред. проф. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1996.
- [Grum-Grzhimaylo V.E. Khochu byt' poleznym Rodine / Ed. by M.E. Glavatskiy, V.P. Andreev et al. Yekaterinburg, 1996.]
- [Давыдов 1997] — Давыдов С.А. Веселые гробокопатели: Пушкин и его «Гробовщик» // Пушкин и другие: Сборник статей к 60-летию проф. С.А. Фомичева / Науч. ред. и сост. В.А. Кошелев. Новгород: НГУ, 1997. С. 42—51.
- [Davydov S.A. Veselye grobokopatali: Pushkin i ego «Grobovshchik» // Pushkin i drugie: Sbornik statey k 60-letiyu prof. S.A. Fomicheva / Ed. by V.A. Koshelev. Novgorod, 1997. P. 42—51.]
- [Достоинo наказанное непостоянство 1793] — Достоинo наказанное непостоянство // Забава в скуке, или Собрание разных анекдотов, повестей и других приятных, увеселительных, трогательных, исторических и нравоучительных сочинений: В 2 ч. Ч. 1. М.: У Хр. Клаудия, 1793. С. 106—115.
- [Dostoyno nakazannoe nepostoyanstvo // Zabava v skuke, ili Sobranie raznykh anekdotov, povestey i drugikh priyatnykh, uveselitel'nykh, trogatel'nykh, istoricheskikh i nravouchitel'nykh sochineniy: In 2 parts. Part. 1. Moscow, 1793. P. 106—115.]
- [Дреленкур 1802] — <Дреленкур Ш.> Сокровище сладчайших утешений против ужасов смерти, или Изящнейший способ спокойно умереть / Пер. с иностр. Н. Виноградского. М.: При Синодальной типографии, 1802.
- [Dreincourt Ch. Consolations de l'âme fidèle contre les frayeurs de la mort: Avec les dispositions et les préparations nécessaires pour bien mourir. Moscow, 1802. — In Russ.]
- [Есипов 1998] — Есипов В.М. Царственное слово: Статьи о творчестве А.С. Пушкина и Анны Ахматовой. М.: Сампо, 1998.
- [Esipov V.M. Tsarstvennoe slovo: Stat'i o tvorchestve A.S. Pushkina i Anny Akhmatovoy. Moscow, 1998.]
- [Жуи 1826] — Жуи [Э. де]. Антенский пустынный, или Изображение парижских нравов и обычаев в начале XIX столетия / Пер. с франц. С. де Шаплета. Ч. 5. СПб.: В типографии Александра Смирдина, 1826.
- [Jouy É. de. L'Hermitte de la Chaussée d'Antin, ou observations sur les mœurs et les usages français au commencement du XIXe siècle. Vol. 5. Saint Petersburg, 1826. — In Russ.]
- [Заметки артиллериста 1875] — На Висле и Дунае, в Одессе и Севастополе: Заметки артиллериста: 1853—1855 // Русская старина. 1875. Т. 14. С. 541—567.
- [Na Visle i Dunae, v Odesse i Sevastopole: Zametki artillerista: 1853—1855 // Russkaya starina. 1875. Vol. 14. P. 541—567.]

- [Кончакова 2008] — *Кончакова Е.В.* Пушкин... Моцарт... гробовщик // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 2008. № 27. С. 275—279.
- (*Konchakova E.V. Pushkin... Motsart... grobovshchik // Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaneya. 2008. № 27. P. 275—279.*)
- [Лермонтов 1954] — *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. Т. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954.
- (*Lermontov M.Yu. Sochineniya: In 6 vols. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1954.*)
- [Лупанова 2017] — *Лупанова Е.М.* История закрепощения природного ресурса: Лесное хозяйство в России 1696—1802 гг. СПб.: ЕУСПБ, 2017.
- (*Lupanova E.M. Istoriya zakrepushcheniya prirodnogo resursa: Lesnoe khozyaystvo v Rossii 1696—1802 gg. Saint Petersburg, 2017.*)
- [Мартынов 1878] — *Мартынов А.* Московская старина: Археологическая прогулка по московским улицам // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 2. С. 154—172.
- (*Martynov A. Moskovskaya starina: Arkheologicheskaya progulka po moskovskim ulitsam // Russkiy arkhiv. 1878. Vol. 1. № 2. P. 154—172.*)
- [Мархоцкий 2000] — *Мархоцкий Н.* История московской войны / Подгот. публ., пер., ввод. ст. и коммент. Е. Куксиной. М.: РОССПЭН, 2000.
- (*Markhotskiy N. Istoriya moskovskoy voyny / Ed. by E. Kuksina. Moscow, 2000.*)
- [Модзалевский 1928] — *Модзалевский Б.Л.* Примечания // Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 2: Письма, 1826—1830. М.; Л.: Госиздат, 1928.
- (*Modzalevskiy B.L. Primechaniya // Pushkin A.S. Pis'ma / Ed. by B.L. Modzalevskiy. Vol. 2: Pis'ma, 1826—1830. Moscow; Leningrad, 1928.*)
- [Мохов 2018] — *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018.
- (*Mokhov S. Rozhdenie i smert' pokhoronnoy industrii: Ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya. Moscow, 2018.*)
- [Некрасов 1983] — *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1983.
- (*Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochineniy: In 15 vols. Vol. 7. Leningrad, 1983.*)
- [Опатович 1873] — *Опатович С.И.* Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге в XVII—XIX веках: Исторический очерк // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 168—200.
- (*Opatovich S.I. Smolenskoe kladbishche v Sankt-Peterburge v XVII—XIX vekakh: Istoricheskiy ocherk // Russkaya starina. 1873. Vol. 8. P. 168—200.*)
- [Охотин 1986] — <Охотин Н.Г.> Примечания к тексту книги // Наши, списанные с нату-
- ры русскими: Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1986. С. 61—110.
- (<*Okhotin N.G.*> Primechaniya k tekstu knigi // Nashi, spisannye s natyru russkimi: Prilozhenie k faksimil'nomu izdaniyu. Moscow, 1986. P. 61—110.)
- [Павлова 2004] — *Павлова О.К.* Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге: Вторая половина XIX — начало XX веков. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2004.
- (*Pavlova O.K. Predprinimatel'stvo, prizrenie i blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge: Vtoraya polovina XIX — nachalo XX vekov. Saint Petersburg, 2004.*)
- [Париж в отзывах иностранцев 1906] — Париж в отзывах иностранцев в 1802 г. // Русская старина. 1906. Т. 125. С. 188—200.
- (*Parizh v otzyvakh inostrantsev v 1802 g. // Russkaya starina. 1906. Vol. 125. P. 188—200.*)
- [Пеньковский 2005] — *Пеньковский А.Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М.: Языки славянских культур, 2005.
- (*Pen'kovskiy A.B. Zagadki pushkinskogo teksta i slovaryu: Opyt filologicheskoy germenevtiki. Moscow, 2005.*)
- [Петрунина 1987] — *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина: (Пути эволюции). Л.: Наука, 1987.
- (*Petrunina N.N. Proza Pushkina: (Puti evolyutsii). Leningrad, 1987.*)
- [ПСЗРИ 1833] — Полное собрание законов Российской империи. [Серия] II: (1825—1881). Т. 7. СПб.: II-е отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, 1833.
- (*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [Series] II: (1825—1881). Vol. 7. Saint Petersburg, 1833.*)
- [Пушкин 1940] — *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. 1837—1937: В 16 т. Т. 8. Кн. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1940.
- (*Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy. 1837—1937: In 16 vols. Vol. 8. Part 2. Moscow; Leningrad, 1940.*)
- [Пушкин 1948] — *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. 1837—1937: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948.
- (*Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochineniy. 1837—1937: In 16 vols. Vol. 8. Part 1. Moscow; Leningrad, 1948.*)
- [Пушкин 2009] — *Пушкин А.С.* Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт.-сост. Т.И. Краснобородько и С.Б. Федотова; вступ. ст. С.А. Фомичева; пер. вступ. ст. Д. Хикс. Т. 2. СПб.: Альфарет, 2009.
- (*Pushkin A.S. Boldinskije rukopisi 1830 goda: In 3 vols. / Ed. by T.I. Krasnoborod'ko and S.B. Fedotova. Vol. 2. Saint Petersburg, 2009.*)

- [Скотт 1990] — *Скотт В.* Собрание сочинений: В 8 т. / Сост. и общ. ред. Д.М. Урнова. Т. 2: Пуритане / Пер. с англ. и примеч. А.С. Бобовича. М.: Правда, 1990.
- [Scott W. Sobraniye sochineniy: In 8 vols. / Ed. by D.M. Urnov. Vol. 2: Old Mortality / Ed. by A.S. Bobovich. Moscow, 1990. — In Russ.]
- [Топоров 1992] — *Топоров В.Н.* Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'y: (К постановке вопроса). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1992.
- [Топоров V.N. Pushkin i Goldsmit v kontekste russkoy Goldsmithiana'y: (K postanovke voprosa). Wien, 1992.]
- [Холерное кладбище 1878] — Холерное кладбище на Куликовом поле. 1831: Очерк / Сообщ. П.П. // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 482—490.
- [Холерное kladbishche na Kulikovom pole. 1831: Ocherk / Reported by P.P. // Russkaya starina. 1878. Vol. 22. P. 482—490.]
- [Шегельман 2008] — *Шегельман И.П.* Лесные трансформации: (XV—XXI вв.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2008.
- [Shegal'man I.P. Lesnye transformatsii: (XV—XXI vv.). Petrozavodsk, 2008.]
- [Шмид 2013] — *Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама» / Пер. с нем. А.И. Жеребина. 2-е изд., доп. СПб.: СПбГУ, 2013.
- [Schmid W. Puškins Prosa in poetischer Lektüre: Die Erzählungen Belkins. 2nd ed., suppl. Saint Petersburg, 2013. — In Russ.]
- [Шомпулев 1897] — *Шомпулев В.А.* Из дневника жандарма 30-х годов: (Записки старого помещика) // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 261—269.
- [Shompulev V.A. Iz dnevnika zhandarma 30-kh godov: (Zapiski starogo pomeshchika) // Russkaya starina. 1897. Vol. 90. P. 261—269.]
- [Якубович 1928] — *Якубович Д.П.* Реминисценции из Вальтер-Скотта в «Повестях Белкина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Ред. Б.Л. Модзалевский. Вып. 37. Л.: Издательство АН СССР, 1928. С. 100—118.
- [Yakubovich D.P. Reministsentsii iz Val'ter-Skotta v «Povestyakh Belkina» // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya / Ed. by B.L. Modzalevskiy. Vol. 37. Leningrad, 1928. P. 100—118.]
- [Aubin 1949] — *Aubin R.A.* Behind Steele's Satire on Undertakers // Publications of the Modern Language Association of America. 1949. Vol. 64. № 5. P. 1008—1026.
- [Cemeteries and Churchyards 1844] — Cemeteries and Churchyards: Funerals and Funeral Ex-
- penses // The Quarterly Review. 1844. Vol. 73. № 146. P. 238—259.
- [Cox 2008] — *Cox J.Ch.* English Church Fittings, Furniture and Accessories [1923]. Huddersfield: Jeremy Mills Publishing, 2008.
- [Diary of a Resurrectionist 1896] — The Diary of a Resurrectionist, 1811—1812: To Which Are Added an Account of the Resurrection Men in London and a Short History of the Passing of the Anatomy Act / Ed. by J.B. Bailey. London: S. Sonnenschein & Co., 1896.
- [Dibdin 1807] — *Dibdin Ch.* Chapter of Patents // Mirth and Metre, Consisting of Poems, Serious, Humorous and Satirical; Songs, Sonnets, Ballads & Bagatelles / Written by C<h>. Dibdin, Jun. of Sadler's Wells. London: Printed for Vernon, Hood and Sharpe, 1807. P. 66—67.
- [Egan 1838] — *Egan P.* The Pilgrims of the Thames in Search of the National. London: W. Strange, 1838.
- [Encyclopédie des gens du monde 1835] — Encyclopédie des gens du monde, repertoire universel des sciences, des letters et des arts; avec des notices sur les principales familles historiques et sur les personages célèbres, morts et vivans. T. 5. Paris: Librairie de Treuttel et Würtz, 1835.
- [Fleetwood 1989] — *Fleetwood J.F.* The Dublin Body Snatchers: Part 2 // Dublin Historical Record. 1989. Vol. 42. № 2. P. 42—52.
- [Fritz 1994/1995] — *Fritz P.S.* The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660—1830 // Eighteenth-Century Studies. 1994/1995. Vol. 28. № 2. P. 241—253.
- [Gaude-Ferragu 2005] — *Gaude-Ferragu M.* D'or et de cendres: La mort et les funérailles des princes dans le royaume de France au bas Moyen Age. Villeneuve-d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2005.
- [Grose 1796] — *Grose F.* The Olio: Being a Collection of Essays, Dialogues, Letters... London: Printed for Hooper and Wigstead, 1796.
- [Kay 1842] — *Kay J.* Series of Original Portraits and Caricature Etchings, with Biographical Sketches and Illustrative Anecdotes. Vol. 1. Part 1. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1842.
- [Laqueur 1983] — *Laqueur T.* Bodies, Death, and Pauper Funerals // Representations. 1983. № 1. P. 109—131.
- [Punch 1863] — Punch, or The London Charivari. 1863. № 45. September 26.
- [Ramsay 1822] — *Ramsay G.* A New Dictionary of Anecdotes, Illustrative of Character and Events, from Genuine Sources: Arranged Alphabetically According to the Respective Subjects. London: Sherwood, Neely, and Jones, 1822.
- [Ramsay 1828] — *Ramsay G.* The Encyclopaedia of Anecdotes, Illustrative of Character and Events, from Genuine Sources. London: William Sams, Royal Library, 1828.

[Ramsay 1830] — *Ramsay G.* A New Encyclopædia of Anecdotes, Illustrative of Character and Events, from Genuine Sources. London: Sherwood, Neely, and Jones, 1830.

[Sappol 2002] — *Sappol M.* A Traffic of Dead Bodies: Anatomy and Embodied Social Identity in Nineteenth-Century America. Princeton: Princeton University Press, 2002.

[Steele 1735] — *Steele R.* The Funeral, or Grief à-la-Mode. London: Printed for Jacob Tonson in the Strand, 1735.

[Walker 1839] — *Walker G.A.* Gatherings from Graveyards, Particularly Those of London with a Concise History of the Modes of In-

terment among Different Nations, from the Earliest Periods, and a Detail of Dangerous and Fatal Results Produced by the Unwise and Revolting Custom of Inhuming the Dead in the Midst of the Living. London: Longman, 1839.

[Westmacott 1825] — <*Westmacott Ch.M.*> The English Spy: An Original Work, Characteristic, Satirical, and Humorous. Comprising Scenes and Sketches in Every Rank of Society, Being Portraits of the Illustrious, Eminent, Eccentric and Notorious, Drawn from the Life by Bernard Blackmantle. Vol. 1. London: Sherwood, Jones and Co., 1825.